

СИМВОЛИКА ВОЗРОЖДЕНИЯ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Автором рассматривается единство материи культуры как совокупности духовных и материальных ценностей.

Установлено, что в русской традиционной культуре ведущими ценностями центрального герменевтического поля, выразившими концепт «возрождение», стали непреходящие этнические категории – «земля», «труд», «семья», «дом», «вера».

Ключевые слова: концепт «возрождение», аксиология, символика, традиционная культура.

M.K. Shemyakina

RENAISSANCE SYMBOLICS IN THE AXIOLOGICAL PARADIGM OF THE TRADITIONAL RUSSIAN CULTURE

Culture matter unity as a complex of spiritual and material values is considered by the author.

It is determined that in the traditional Russian culture the leading values of the central hermeneutic field that expressed the concept "Renaissance" became such unchangeable ethnical categories as "land", "work", "family", "house", "faith".

Key words: concept "Renaissance", axiology, symbolics, traditional culture.

Все единство материи культуры может быть осмыслено в целом как система знания и философия жизни народа, находящаяся в пространственно-временной передаче поколений, в основе которой лежит культурная ценностная парадигма.

«Культура постоянно регулирует нашу жизнь. С момента нашего рождения и до самой смерти, сознаем мы это или нет, на нас оказывается постоянное давление, принуждающее нас принимать определенные типы поведения, выработанные другими людьми», – писал К. Клакхон.¹ Но в основе этого давления лежат ценности, подчеркивал ученый, как «осознанное или неосознанное, характерное для индивида или группы индивидов (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия».

Личностные или коллективные ценности, безусловно, выполняют функцию стандартов, определяя всю меру должностования и соответствия некоему идеалу. Однако в традиционном мире ценностно значимыми могут служить лишь те установки, которые согласуются с жизнью всего народа, с его мировоззренческими убеждениями в соединении с устремлениями отдельного носителя культуры, они рождают «концепцию, определяющую поведение» (Клакхон К.).

Ценности культуры должны быть рассмотрены как общие представления, разделяемые большинством ее носителей относительно желаемого, правильного и полезного. В таком контексте и сама культура осмысливается как вся совокупность духовных и материальных ценностей.

В русской традиционной культуре к ведущим ценностям центрального герменевтического поля, полновесно отразивших концепт «возрождение», отнесут непреходящие этнические категории – «землю», «труд», «семью», «дом», «веру». При этом важно заметить, что первотворцом, «создателем ценностной системы земледельческого мира», основным носителем и хранителем традиционной русской культуры, справедливо подчеркивает А.С. Каргин, закрепляется крестьянство-«христианство».²

Земля служила центральной категорией русской традиционной земледельческой культуры. С древнейших времен она была не только значимым субстантивным элементом природного мира, но одной из основных составных частей мироздания.

Закрепляясь в славянской мифологии в качестве матери сырой земли, земля представлялась воображению славянина, обожествлявшего природу, живым человекоподобным существом: травы, цветы, кус-

¹ Культурология. Основы курса и фрагменты источников / авт.-сост. К.В. Пашков. Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 35.

² Каргин А.С. Народная художественная культура: курс лекций для студентов высших и средних учебных заведений культуры и искусств. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1997. С. 59.

тарники, деревья – пышные волосы; цепкие корни деревьев – жилы; кровью земли была сочившаяся из ее недр вода; каменные скалы – кости. Именно поэтому чудодейственные свойства всей матери сырой Земли постепенно перешли на некоторые камни. Самым чудесным из них, «всем камням отцом» был Алатырь.³

Земля считалась воплощением воспроизводящей и возрождающей силы природы. Как живая женщина, она рождала живых существ – стонала от боли в бурю; гневалась – учиняла землетрясения; улыбалась под солнцем – даровала невиданные красоты; засыпала студеной зимой и пробуждалась по весне; она умирала, обожженная засухой. Оплодотворенная дождем земля давала урожай, была кормилицей.

Земля и в прямом смысле возрождала человека к жизни. Больные в старину выходили в чистое поле, били поклоны на все четыре стороны, прося прощение. Ушибленных и разбившихся выносили к месту получения увечья, и они также просили благодати. Земля и сама по себе расценивалась как одно из лечебных средств (смоченная слюной земля заживляла раны, останавливала кровь, снимала боль) и высшая правда (у нерадивого хозяина не уродит, земля скрепляла клятву). И намного позже (в XIX в.) крестьяне тоже клялись землей; с этим обычаем связано другое известное выражение: «Чтоб мне сквозь землю провалиться» и т.п.

С почитанием земли связан один из самых распространенных и древних мотивов земледельческого искусства – изображение могущественной богини-матери с предстоящими ей всадниками. В земледельческой практике этот образ слился с анималистическими представлениями о духах-покровителях полей и садов. Согласно народным верованиям в образе животного – *зайца, лисицы, волка, собаки* и т.п. – воплощался дух хлеба. Именем животного или птицы часто назывался последний жатвенный сноп. В некоторых русских деревнях существовал обычай, сжиная последний сноп, кричать: «Зайка побежал, зайка побежал...». Когда оставалось мало жатвы, говорили: «Ну, девки, давайте зайца гонять».⁴ Упоминались и другие животные, например, *лошадь*.

В отношении к земле срабатывала система статично закрепленных в традиционной культуре действенных стереотипов: кто не почитает земли – тому не даст хлеба; кто не поклонится сыновним поклоном – тому на смертном одре не ляжет легким пухом, а тяжелым камнем; кто не захватит в путь горсть родной земли – никогда не увидит родного дома.

Култ земли соединялся с культом предков, к которым в качестве посредников обращались за помощью и советом, проводили трапезы-посещения захоронений и обильные возлияния. От лежащих в земле предков зависело плодородие земли и обильные дожди – возрождение жизни.

Земля в своей аксиологической заданности в отношении традиционной культуры расширяла свой буквальный смысл до иноказательного.

В таком контексте земля становилась синонимом понятиям «землячество», «родина», «отечество», «дом». На этом понимании земли, по сути, была сосредоточена вся русская литература классического и нового времени. «Власть земли» назвал когда-то свой очерк Г. Успенский, анализируя особенность отношения крестьянства к земле.⁵

Определяясь в категориях родства «земляного», она трактовалась как родство духовное, нравственное. Понятие «русская земля» не сводилось исключительно к корневому родству, культу предков, но утверждалось как единение православное (особенно на чужбине), патриотическое (особенно во время военных действий), свободлюбивое (особенно в бунтарстве), семейное (особенно в категориях бытовой традиции), мировое (в понимании мира как единого людского универсума).

За землю и умереть не жаль, «живота своего не жалеючи». «Всем миром» сделать какое-либо дело (построить обетную церковь, дом; сразиться с врагом) – высшая форма выражения христианской добродетели.

Таким образом, ценность земли понималась не только с точки зрения скупого прагматизма (хотя хорошему хозяину всегда мила плодоносная земля, а плохому – и чернозем не уродит), а с позиций духовных – как материи возрождения. Потому земля скорее давала оценочную коллективную характеристику народу, личностную – человеку, его труду, степени его человечности, нежели действительно реализовывала хозяйственное предназначение.

---

³ Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия славянской мифологии. М.: Астрель, 1996. С.119.

⁴ Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справ. М.: Наука: Флинта, 2008. С. 150.

⁵ Успенский, Г.И. Крестьянин и крестьянский труд. Власть земли. – Собр. соч. в девяти томах. – Т. 5. – М., 1956.

Другой ценностно значимой единицей, напрямую связанной с землей, был труд. Трудолюбие издавна занимало одно из центральных мест в системе русского человека, обеспечивающее благополучие в дальнейшей жизни.

В понимании мирской жизни труд всегда обозначался богоугодным делом, рассматривался в качестве одной из форм нравственного деяния, ведущего к спасению человеческой души. Как говорится в народе, «Бог труды любит», «С молитвой в устах, с работой в руках». Та же мысль прослеживается и в исторических хрониках.

Трудолюбие рассматривалось как добродетель и с позиций христианских.

О религиозном постижении труда в свое время размышлял Д.И. Лихачев, сравнивая Франциска Ассизского с Сергием Радонежским. Последний в отличие от предшественника не проповедовал нищету и бродяжничество монахов, а ратовал за исполнение ими трудового обета. «Монахи должны были трудиться и трудом своим зарабатывать на хлеб, – пишет ученый и проводит экскурс в русской истории подвижничества. – Сергий выполняет свою крестьянскую работу сам. Пафнутий Боровский перед смертью отдает распоряжение по хозяйству. Игумен Филипп Соловецкий технически благоустраивает монастырь, и именно это считается его главным подвигом на Соловках. Иульяния Осоргина спасается даже у себя дома в хозяйственных заботах, приравняемых к подвигам благочестия. Таких примеров особого отношения к труду у русских святых можно привести множество». И заключает: «Христианский идеал приобретал в России существенную добродетель – трудолюбие, заботу о богатстве всего коллектива, будь то монастырь, княжество, государств в целом или простая помещичья семья со слугами».⁶

При этом важно помнить, что в качестве нравственного труда особенно значимого был труд душевный. И, действительно, в русской традиции категории душевного становления будут приравнены к тяжелейшим испытаниям и трудам. К ним будут относимы абсолютно все богоугодные дела: моления, паломничество по святым местам, помощь сирым и убогим, таинство исповеди.

Труд создавал не только оценочное представление о человеке, но и его социальный статус. Не случайно труд, уважение и достаток в народном сознании были всегда взаимосвязанными понятиями. Трудовое воспитание детей предусматривало не только обучение их всем необходимым для крестьянской жизни навыкам. Оно формировало у ребенка особое отношение к труду как к жизненно необходимому средству существования и как к внутренней, нравственной потребности человека, детерминирующей его становление или механизма, посредством которого возможно «возрождение» человека, по тем или иным причинам «свернувшего с жизненной тропы».

Настоящим подвигом, требующим постоянного напряжения, самоотдачи и терпения рассматривался труд земледельца. Не случайно, именно эта аллюзия будет избрана русским фольклорным творчеством в образе одного из самых любимых былинных персонажей – Ильи Муромца.

Илья Муромец, сын Иванович был любимейшим героем русских былин. Уже в имени былинного персонажа исследователями отмечалась связь его с родом и традицией русской земли. Крестьянский сын из села Карачарова, что под Муромом, характеризовался не столько богатырской силушкой, сколько нравственно-духовными качествами личности, проявлением уважения к старшим рода, непосредственно воплощенному в поведении богатыря и его поступках. Илья оказывает почтение старцам/каликам-перехожим, поит и кормит страждущих. Илья получает не только исцеление от болезни, но, по сути, – благословение на свершение всех подвигов богатырских. Святые образа (икона святых отцов) наделяют богатыря силушкой немереной, скрепляют его обязательством – землю русскую охранять.

Первым из подвигов Ильи становится поистине подвиг крестьянина-труженика: очищение землицы от кореньев дубовых, расширяемых в эпическом содержании былины, до очищения от полчищ ворожбиных и метафорическом – низвержении врагов веры православной (об этом повествуют былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Идолище Поганое», «Бой Ильи Муромца с Жидовином»).

Таким образом чудесное исцеление богатыря, а в метафорическом смысле его «возрождение» до статуса не только национального, но и человеческого во всех смыслах, труд имел не опосредованное, а прямое отношение. Отношение к важности и ценности труда являлось одной из доминантных черт самосознания русского героя.

Не менее значимым рассматривался и бытовой труд. Так, женщина отвечала за домашний уют, потому своеобразным его основанием считалась женская половина («бабий куть» с печью). Русские крестьянские дети по дому выполняли порядка 85 видов работ. С 5–6 лет дети начинали работать в поле, в

⁶ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Изд-во "Logos", 1999. С. 22.

саду, на огороде. Особенно ценились мастеровые хозяева, самолично вырезавшие из дерева, ковавшие, лепившие из глины различные предметы быта.

Трудовой характер русского человека формировался в устойчивой традиционной семье. С рождения трудовое воспитание органично входило в семейную жизнь и хозяйственную деятельность семьи. Дети постоянно наблюдали за занятиями старших и охотно подражали им. При этом само понятие «труд» культивировалось созданием и поддержанием в сознании всех членов трудящейся семьи созидательного, а отчасти и идеального, образа трудолюбивого предка, своим примером прокладывавшего дорогу ныне живущим членам семьи. Поэтому трудовая деятельность всегда осуществлялась с оглядкой на прошедшее с обязательным сохранением заветов и наказов предшествующих поколений.

Таким образом, трудолюбие, добросовестность, старательность, которые мы отмечаем в наших предках, рождались не просто в процессе выполнения трудовых функций (хотя и это немаловажно), а являлись итогом их богатой нравственной жизни, ведущей человека к полноценной реализации себя, восстановлению связей с минувшим задолго до него и прогностически определяющим перспективы не только личностного развития – «возрождения» человека в пространстве жизненных координат.

Основу крестьянской жизни и ее аксиологического центра в контексте концепта «возрождение» составляла и семья.

С одной стороны, семья реализовывала непосредственное утилитарное (практическое) назначение, проявляемое в самом принципе построения семейных отношений: форме подготовки, проведения необходимых обрядовых действий, их хозяйственное основание и значение. Такое особое утилитарное отношение обнаруживаем как к самой семье, так явлениям, ее оформляющим.

Оно очевидно во всем многообразии исторического архивного материала: челобитных по разным вопросам, в которых крестьяне ссылаются в основании своей просьбы на необходимость завести семью, обеспечить семью и т.п.; в приговорах сходов, касающихся семейных дел и взаимоотношений молодежи; в мирских решениях, содержащих индивидуальные характеристики (при назначении опекунов, выборе старост, выдаче покормежных паспортов и пр.).

Утилитарным принципом руководствовались при выборе невесты – будущей матери. Невесту старались выбрать не столько красивую, сколько здоровую, умелую, трудолюбивую. В будущем супругов объединяла общая забота: о хозяйстве, детях, доме.

Категория утилитарности определяла сроки проведения свадебных торжеств. Лучшей свадебной порой считалась зима и осень – сезоны, свободные от основного земледельческого труда, не содержащие длительных православных постов.

Хозяйственный расчет лежал в основе организации семьи и ее авторитетности в жизни крестьянской общины. Глава семьи – старший мужчина в доме («большак») – распоряжался имуществом семьи и судьбой ее членов, руководил полевыми работами, распределял трудовые обязанности. Особым весом в крестьянском сходе пользовались зажиточные семьи, во главе которых стояли хорошие хозяйственники, крестьяне-землепашцы.

С другой стороны, семья рассматривалась как минимизированная социальная общность и субстанция духовно-нравственная (ведь в представлении русского человека «даже браки заключаются на небесах»).

Семья рассматривалась не только как деятельность определенного социального вида (хозяйственная), но и как средоточие нравственных посылов русского человека, смысл существования. Значимость семьи в этом аспекте в русской традиционной культуре была настолько велика, что образование семьи и освящение ее семейно-обрядовым действием было обязательным требованием для всех членов русской общности. Только две причины могли быть рассмотрены как уважительные – болезнь и желание уйти в монастырь. Отражение находило в пословицах и поговорках: «Не женат – не человек», «В семье и каша гуще», «В семье, в куче не страшна и туча».

Практически все этические и эстетические ценности складывались в семье, усваивались с детства по мере взросления с учетом их глубины и серьезности. И «качество» семьи (отношение между супругами, почитание родителей, способность к деторождению, становление детей, сами дети с точки зрения нравственного формирования и др.) давало общую оценку прожитой жизни, отвечало на «проклятые вопросы» (Шпет Г.Г.) человеческой жизни: зачем собственно человек живет.

Семья создавала полифонию мнений, в контексте Ф.М. Достоевского, мы бы сказали своеобразную диалогичность, поскольку мир семьи не ограничивался непосредственными кровными родными. Мир семьи включал близкую и дальнюю родню, кумовьев (крестное братство), всех населяющих ту местность, где проживала семья (они были свидетелями радостных и горестных ее событий будучи постоянными

«соучастниками» обрядовых действий), земляков, поскольку земля связывала в единство не кровное, но духовное.

В конечном счете, мир семьи расширялся до понятия мира как сообщества людей, особенно в кризисные моменты истории (освободительная война, бунт). А в традиционной русской культуре «перед миром не грех и покаяться», «на миру и смерть красна». И уже в этом рождается понятие не просто человека, а «возрождающегося всего человека», способного освободить братьев болгар от иноземной туретчины, и слиться воедино в признании верховной власти и отческой заботы «царя-батюшки». Именно об этом будет писать Ф.М. Достоевский: «У нас, русских, есть, конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всем мире, – это всецелость и духовная нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее единение его с монархом».⁷

При этом рождаемый в семье образ покровителя, овеществляемого непосредственно в образе отца или матери, понимается и в более широком смысле в качестве образа национального (государя-батюшки) и вселенского (Бога и Богородицы), приобретает характер божьего благословения и божьей кары в центральном ориентире жизнеустройства («С вами Бог») и вере в справедливость («Сила в правде»). В таком контексте особую силу обретает служение как добровольное умаление себя, смирение, дающее формы православного жизнеустройства (служение Богу – монашество) и гражданского долга (служение Отечеству – рекрутство, патриотизм).

В этом отношении семья рассматривалась как особый тип общинной организации, предполагающий наличие патронажных отношений и родовых связей, а в широком смысле – особый тип нравственно-духовных семейных отношений, соотносимых с душевно-духовным родством, единением всех членов конкретного социума.

Однако вектор «все-человека» в русской традиционной культуре в контексте возрождающей материи семьи определяется не только своим синхронным существованием, но и диахронной заданностью. В рамках мира семьи формируется особая сфера нравственной жизни, совсем не той, когда человек выражает свои гражданские чувства или показывает знания, демонстрирует умения и навыки. Человек находится в сомне не только живущих, но и живших задолго до него и только собирающихся жить. Вот почему традиционный человек согласует и соизмеряет свои действия и поступки не только со старшими в семье, но и с поступками и делами дедов и отцов (предков); делает так, чтобы не было стыдно перед последователями. Скрепляющей единицей в этой родовой цепи жизни будет выступать память. А память, справедливо отмечал Д.С. Лихачев, «основа совести и нравственности, память – основа культуры, «накоплений» культуры ... эстетического понимания культурных ценностей».⁸

Семья воспринималась в народной среде как нравственная основа правильного образа жизни, практическая сила, способная не дать человеку сбиться «на кривую дорожку» и возродить человека, если таковое случилось.

Главенствующая роль семьи в материальном и нравственном благополучии человека и преемственности поколений была отражена в самой кратком и от этого не менее иносказательном фольклорном жанре – пословице, активно бытовавшей по всей территории России: «Как родители наши жили, так и нам жить велели»; «Отцы наши не делали этого и нам не велели, отцы наши этого не знали и нам не приказывали»; «Отцовским умом жить деткам, а отцовским добром не жить»; «Добрая семья прибавит разума-ума»; «Учи дитя, пока поперек лавочки лежит, а как вдоль лавочки ляжет, тогда поздно учить» и т.д.

Семья становилась особым миром человека и его домом.

Русские народные представления о доме также отражали мировоззренческие установки в спектре освоения содержательного начала концепта «возрождение».

О важности аксиологической категории «дом» в русской традиционной культуре свидетельствует «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и приведенные в нем многочисленные пословицы и загадки, относящиеся к дому. «Мило тому, у кого много в дому», «Дом вести – не лапти плести», «Худу быть, кто не умеет домом жить», «На стороне добывай, а дома не покидай».⁹ Подобные изречения мудрости констатировали понимание дома как осязаемого воплощения «своего» – родного, безопасного пространства, привязанность к которому считалась добродетелью.

⁷ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873–1881. СПб.: Лениздат, 1999. С. 394.

⁸ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Изд-во "Logos", 1999. С. 434.

⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovari.yandex.ru>.

Создаваемый в особой ритуальной среде дом становился средоточием жизни, обязательным началом в бытийном пространстве каждого человека. Отсюда начинался жизненный путь и сюда вновь возвращался.

Дом как жилище русского человека имел свою систему исчисления – вертикальную и горизонтальную. В выделяемой исследователями вертикали, основанной на понимании троичности мира, особое значение придавалось полу и потолку как границам внешнего (чужого) и внутреннего (своего) пространства. Важное смысловое значение имела матица (поперечный брус, поддерживающий доски потолка) как основной конструктивный элемент дома.

Горизонтальное пространственное членение было основано на делении на четыре стороны света с композиционным центром – «святым» («красным углом»), что задавало основную систему координат русского дома. Здесь происходили ключевые семейно-бытовые обряды (свадьба, похороны), повседневные события (трапеза). Таким образом, художественно-образная система жилища не просто отражала представление русского человека о мироустройстве, но и была способом образно-художественного освоения мира в целом.

Укорененный в доме русский человек вокруг него строил всю свою жизнь: вещную – жилые пристройки, возводимые в ансамблевом единстве с основным строением, хозяйственные постройки, двор; духовную – должествующее иерархичное начало «красного угла» как домашнего священного алтаря и внешнее венчание коником (в древности символом солнца), в освящении Богом и природой.

Но в том же словаре В.И. Даля будет зафиксировано и другое значение слова: не только «строения для жилья» или «избы со всеми ухажаями и хозяйством», но и значение «семейства, семьи, хозяев с домочадцами».

Так, дом в русской культурной традиции закрепил за собой не только физическое, обретаемое в конкретных единицах измерения или количестве бытовых предметов, и даже не культурное, а этическое значение – пространство, в котором обретало свою гармонию бытие человека. В этом контексте дом транслировал в своем значении семью, людей, объединенных кровными и духовными узами, обычаями и традициями родной культуры.

Идеал такого дома наиболее полно был детально разработан позже славянофилами: А. Хомякова в статье «О сельских условиях», посвященной разбору оперы М. Глинки «Жизнь за царя»; в предисловии к русским песням из собрания П.В. Киреевского и в ряде других работ.

Передавая суть понимания ценностной категории «дом» в таком контексте, славянофилы не единожды использовали метафору «теплое гнездо», вероятно, не столько соотносимое, сколько заимствованное ими из народной песни: «Не ласточка, не касаточка круг тепла гнезда увивается».

При этом естественными атрибутами дома-«гнезда» утверждались «общинное братство», «душевная простота», «теплота взаимоотношений», «живое общение», «органическая связь с землей». Последнее тем более очевидно, поскольку дом строился по принципам «трех П» (простоты, прочности, прекрасного), согласуясь с единоначальной установкой природосообразности, вписанности в окружающий ландшафт с использованием естественных природных материалов.

Закономерно, что дом в таком понимании выполнял главнейшую из своих функций – был тем спасительным и одновременно первопричинным началом, к которому на протяжении всей жизни в море сменяемых им вопросов был обращен человек.

Дом спасал, «возрожда» человека и в житейском, и в религиозно-этическом смысле этого слова.

При этом цена спасения не была неподъемно тяжела. Она требовала от традиционного человека следования традиции: почитания старших (прежде всего отца и матери как породивших тебя на свет), следования заветам предков. Последнее отчасти было отражено в многочисленных и разнородных поверьях и обрядах, определявших процесс заселения (вхождения) в дом и его внутреннего убранства. (Так, считалось, что первыми должны были войти в дом самые старшие по возрасту члены семьи.)

Дом, очаг, семейный кров воспитывал в человеке лучшие человеческие качества: христианские (жертвенность, смирение, доброта и др.) и мирские (хозяйственность, рачительность, экономность и др.).

В пространстве традиционной культуры дом, таким образом, обретал свою иносказательную сущность, объединяя в своем семантическом начале понятия «кров», «семья», естественно расширяясь до всей «земской» России, априори подразумевающей единую родственную (семейную) близость.

Именно родственная связь, определявшаяся духовным единением и почти религиозной чувственностью, подвигла поэтов XX века определить образный ряд деревянных русских домов в качестве «избяной литургии» (Есенин С.) и «народного Иерусалима» (Клюев Н.) (при том, что «литургия» (греч.) – общее дело; *церк.* – общая молитва), а философа Е. Трубецкого соотнести деревянные русские избы в их религиозной одухотворенности с «мирообъемлющей соборностью» (кн. Трубецкой Евг.).

И религиозные символы, видится нам, появляются здесь не случайно, поскольку вся аксиология традиционной культуры основного герменевтического поля (земля труд, семья, дом) будет центрирована главной ценностью культуры русской – верой.

Следует отметить утверждаемую с завидным постоянством мысль, что мировоззрение человека русской традиционной культуры, как и сами основы русской культурной традиции, основано на категориях веры. В ней видит русский народ и саму жизнь, и будущее возрождение, и бессмертие.

Религиозность характеризовала мир Древней Руси, ее культуру «невидимого града Китежа» (по определению Лихачева Д.С.), культуру Руси «незримую», плохо понятую и плохо изученную, не поддающуюся измерению «европейскими» мерками высоты культуры и не подчиняющуюся нашим шаблонным представлениям о том, какой должна быть «настоящая культура». Вера освещала бытийное существование России и на более поздних исторических этапах.

Для русского человека духовная основа жизни была главным стержнем бытия, квинтэссенцией ее выступала вера. Постигание же глубин духовного чувства, или созерцания, доступно разве что мудрецам.

Но мудрецы в жизни для русского человека фактически невозможны: мудрые люди встречаемые только в жизни исключительно религиозной (старцы, отшельники, аскеты, пустынножители) или в антимире русской культуры – мире-перевертыше (внешней – сказке; внутренней – дети и юродивые, блаженные). Обычный человек более характеризуем смекалкой, рассудительностью, совестью, рачительностью. И если первые достигают религиозного горнила, вторые – приближаются к нему, то третий – лишь устремлен в своем жизненном пути к нравственному идеалу. Духовная же высота умалишенных разрешала другую не менее важную для русского человека дилемму в их способности совмещения в себе внутренней святости и смиренного противостояния внешним формам жизни.

Религиозный авторитет святых отцов, пустынножителей неприкасаем. Но народная любовь к юродивым, как и ее выражение, рассматривается многими исследователями в качестве загадки русской души, давал многим великим русским художникам великолепный сюжет для писания.

Христианские святые, мученики, отшельники, юродивые, таким образом, виделись русскому народу воплощением христианских добродетелей, олицетворением религиозности, и как следствия – духовности.

Аксиологический вектор, как и идея духовности человеческого бытия, особенно значимы для русской культурной традиции, модели мира и человека, аксиологии возрождения и ее постижения. Не случайно, трансформируясь, все эти реалии русской традиционной культуры утвердятся в русском искусстве, выступят в качестве центральной культурной темы в русской философии.

Вместе с тем, определяя нравственное начало главным в традиционной культуре, академик Д.С. Лихачев отметил: «Говоря о тех огромных ценностях, которыми русский народ владеет, – писал Д.С. Лихачев, – я не хочу сказать, подобных ценностей нет у других народов», но в том и величие русской культуры, что ее императивы «лежат в тесной связи с ее нравственными ценностями».¹⁰

При этом во всей многоаспектности освещения главная идея русской традиционной культуры – нравственная – не обретет абстрактности звучания, закрепится рамками «большой традиции» (в терминологии Редфильда Роберта), многомерностью включения во все жизненные направления: идеологическое, религиозное, творческое, социальное.

Не случайно изучение русского народа и человека, его традиций и центральных ориентиров явилось предметом многих направлений гуманитарного знания. Четко очерчивались теоретическим народоведением принципы и ценностные основы организации самих этнических систем и культур.

В числе центральных мотивационных причин возникновения этнических культур выделялись и духовные потребности самосохранения и развития этносов, стремление сберечь свои культурные достижения наиболее благоприятным способом. В свете такого понимания в качестве условий зарождения традиционной культуры возникали неотчуждаемые ресурсы окружающей среды (природно-историческое окружение), язык как условие появления чувства групповой идентичности и религия, выполняющая функцию созидания в формировании традиционной культуры.

¹⁰ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Изд-во "Logos", 1999. С. 62.